

Г. СЫРОЕГИНА

РЕЧЕВЫЕ СТИЛИ В „КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ“ А. С. ПУШКИНА

I

Мысль, что употребление слов, самый их подбор не случайны в художественном произведении, а определяются всем бытием писателя, кажется ясной, общепонятной, но конкретное наполнение этой мысли представляет известные затруднения, так как исчерпывающих ответов на эти вопросы мы в соответствующей литературе почти не находим.

Исследовать употребление отдельных слов в их значениях, в их функциях, подтвердить фактами языка, что употребление слов находится в зависимости от вида высказывания, от его целевой направленности и от мирозерцания автора, от его общественно-политических установок — является той проблемой, решение которой представляет задачу настоящей работы.

Разумеется, эта большая проблема не может быть решена окончательно на сравнительно небольшом материале, но и в частичном ее решении, как некоторый опыт, она все же может представить известный интерес.

Материалом для предлагаемых наблюдений послужили описания в «Капитанской дочке».

На основании этих наблюдений удалось установить, что излюбленным приемом Пушкина в этом произведении является прием сопоставления в его многообразных вариациях: от непосредственного смешения разных лексических рядов (сопоставление в одной фразе разнородной лексики) до сопоставления целых высказываний, представляющих картины повествований и даже образы героев.

Анализ лексики описаний в «Капитанской дочке» привел и к некоторым выводам, нарушающим общеустановленные литературоведческие положения.

Прежде чем приступить к непосредственному изложению, необходимо еще дать объяснение термину «лексический ряд» (или речевой стиль), которым придется в дальнейшем изложении часто оперировать.

Лексический ряд — это группа слов, употребляемых в данном языке в определенных областях речи и с определенной функцией. Это не диалектизмы, не архаизмы, не арготизмы; это — группы слов одной какой-либо области употребления: книжные высокие слова, слова высокой значимости (*отечество, обстоятельство, междоусобие, благоразумие* и т. п.); сниженные обиходные слова, слова семейного дворянского круга (*песенка, сочинитель* и т. п.); слова «простонародные», употреблявшиеся дворянами в тесном кругу своего дома, в разговоре с слугами, с подчиненными (*кобель, толстая девка* и т. п.). Таким образом, лексические ряды — это разновидность лексики в границах основного литературного фонда, разновидность в пределах одного языка, одной эпохи.

Следует еще добавить, что анализ лексических рядов должен быть проведен только при рассматривании слова в контексте, в его смысловом окружении, так как только в контексте можно избежать искажений значения слова и понять слово со всем богатством его смысловых оттенков. Так слово *подивиться*, отделив взятое, может быть отнесено к «народной», крестьянской речи, в тексте же оно имеет совершенно иной характер: «Я не мог не *подивиться* странному сцеплению обстоятельств...», т. е. здесь оно имеет характер уже книжного слова, даже старо-книжного, несколько архаизированного, и употреблено оно как стилизация подчеркнутой книжности, значительности всей речи.

Анализ описаний «Капитанской дочки» дает возможность установить такие виды употребления лексических рядов:

1. Сопоставление двух лексических рядов: а) непосредственное смешение разнородных лексических рядов; б) наличие двух параллельных лексических рядов.
2. Сопоставление целых высказываний.
3. Употребление одного лексического ряда.
4. Употребление включенного лексического ряда: а) стилизация официально-канцелярской речи; б) стилизация сентиментально-мещанской речи.

К рассмотрению их мы и перейдем.

II

Сопоставление двух лексических рядов

- а) Непосредственное смешение разнородных лексических рядов.

Здесь основной лексический фонд — это обыкновенный язык пушкинского времени. В нем выявляются различные лексические слои (ряды), находящиеся в известном соотношении. Прежде всего можно установить ряд слов обиходного, несколько сниженного словоупотребления. Этот лексический ряд дается Пушкиным всегда в непосредственном смешении с строем обычной литературной речи и даже иногда возвышенной, сугубо книжной. Как мы увидим, именно этим достигается эффект очень тонкого пушкинского юмора. Особенно в первой главе мы находим боль-

пное количество описаний такого типа (сочетание разнорядной лексики). Здесь рассказывается о воспитании Гринева, о его учителе Бодре, о дядьке Савельиче, о первых шагах Гринева на «служебном поприще». Все это дано в свете тонкой, еле уловимой иронии, и именно здесь мы встречаем много случаев непосредственного соединения лексических рядов, что и придает характер иронии, которой пропитана вся 1-я глава. Приведем ряд случаев.

Воспитание Гринева описано таким образом:

«Я считался в отпуску до окончания наук» (далее следует описание какие же это «науки»).

«В это время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному в дядьки».

Здесь комична фигура воспитателя-стремянного, который годен в воспитатели только тем, что не пьет водку. Ирония усугубляется и непосредственным соединением слов, взятых из разных лексических рядов, например: *пожалованному* и *трезвое поведение* — книжные слова возвышенного необходимого употребления, а рядом — *в дядьки* — сниженное слово, обиходное в дворянско-поместном быту. Обиходное, сниженное слово и *не по-нынешнему*, тоже характерное для дворянского просторечья.

А вот и результаты учения.

«Под его (Савельича) надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля».

Здесь юмор передается в двух плоскостях: во-первых, смешение логических планов (*выучился грамоте* и — *мог судить о свойствах борзого кобеля*) и, во-вторых, чисто языковыми средствами: смешением слов значительных, книжных (*под надзором, грамоте, здраво судить, о свойствах*) и слов вульгарных (*борзого кобеля*). Комизм подчеркивается именно непосредственным соединением слов из разнородных лексических рядов: «*мог здраво судить о свойствах... борзого кобеля*».

Образ учителя описан так же:

«В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бодре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла».

Опять мы встречаемся с приемом сопоставления разных лексических рядов: выписали француза вместе с годовым запасом провизии. Здесь понятие *учитель-француз* поставлено рядом с понятием *прованское масло* (кухня) как равнозначные. Очень тонко подчеркивается черта помещного быта: отношение к учителю, к наукам, культурный уровень среднего помещика. Таковы были и учителя.

«Бодре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel, не очень понимая значение этого слова».

Опять лексическое смешение: *отечество* — высокое книжное слово и рядом *парикмахер, солдат* — сниженное обиходное. Подчеркивается

этот комизм словом *учитель*, выраженным по-французски. Оно взято из речи иностранца, коверкающего русские слова и смешивающего их со своими.

«Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостью была страсть к прекрасному полу; нередко за свою нежностью получал он толчки, от которых охал по целым суткам».

Добрый малый, охал, получал толчки — и рядом книжная речь: *ветрен до крайности, главною его слабостью была страсть к прекрасному полу, нежность*. Сочетание этой разнорядной лексики и дает впечатлительное юмора, иронии.

Продолжаем следить за «мусье».

«К тому же не был он (по его выражению) *и врагом бутылки*, т. е. (говоря по-русски) *любил хлебнуть лишнее*».

Здесь Пушкин как бы сам раскрывает свой прием смешения лексических рядов: «(по его выражению) *не был врагом бутылки*» — язык иностранца, литературный оборот и «(говоря по-русски) *любил хлебнуть лишнее*» — простонародное выражение.

«Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка».

Книжные слова: *предпочитать, отечества, не в пример более полезную*; обиходные: *рюмочка, обносили* (лишали), *настойка, желудок*.

Опять тот же эффект — ирония, — достигается смешением лексических разнородных рядов, непосредственным соседством по смыслу и по ценности разных слов, обычно не сочетаемых.

Юмор подчеркивается и словами *мой Бопре* — фамильярное обращение. Эта линия продолжается:

«Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел скорее выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал».

Слова *мы скоро поладили, жили душа в душу, другого ментора я и не желал* употреблены в ироническом смысле, не в том значении, какое им обычно придается. Таким образом, здесь сдвиг в значении, как прием иронического выражения (*был в отпуску до окончания наук*). Наряду с этим и смешение книжных слов: *по контракту обязан, предпочел, кое-как*, с просторечным *болтать по-русски*.

Так иронически описывает Пушкин француза, несколькими штрихами противопоставлений вырисовывает типичный тогда образ учителя-иностранца.

Наступил час расплаты:

«У него (батюшки) расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности».

Доложили, что Бопре дает урок, а он спал да еще *сном невинности* — противопоставление уже не отдельных слов, а целых действий, фактов. Как видим, этот прием тоже очень част у Пушкина. Но есть и непосредственное соединение разнорядных слов: *камалья, сном невинности (камалья и невинность!)*.

Картина Петрушинных занятий дана в этом же слане:

«Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу».

(Слово *работа* употреблено в смещенном, ироническом плане, как и «науки»).

«Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к мысу Доброй Надежды».

(«*Мочальный хвост* — сниженное, обиходное слово и *мыс Доброй Надежды* — книжное слово, географический термин. Здесь игра на возможном лексическом изменении слова: *мыс Доброй Надежды и хвост*. Хвост придельствуют к мысу, выступу).

«Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать, и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора к неопишанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание».

Здесь смешиваются слова книжные: *укоризнами, упражнения, в смятении, к неопишанной радости, воспитание* с обиходными, просторечными словами и выражениями: *вытолкал, прогнал, дернул за ухо, несчастный француз, мертво пьян* и пословицей: *Семь бед один ответ*. Комической эффект подчеркивается употреблением выражений: *мои упражнения в географии, очень неосторожно разбудил, мое воспитание* в явно ироническом, противоположном смысле, так сказать, в кавычках. Но Пушкин нигде в этих случаях не ставит кавычек. Ирония достигается тем, что слово дается в ином смысловом окружении, прямо противоположном.

Такое ироническое отношение к Гриневу-недорослю продолжается и дальше при его вступлении в новую жизнь.

Описывая встречу Гринева с Зуриным, Пушкин опять все свое описание строит на контрастах и слова берет из разных лексических рядов; непосредственно их соединяя. Но ряды эти уже несколько иные: 1) официальная воинская терминология (*надобно прилежнать к службе, с большим прилежанием принялся за учение, несомненные признаки усердия к службе*) и обиходный, разговорный язык армейской среды (*отобедать, чем бог послал, по-солдатски, потчевал, со смеху чуть не валялся, совершенными приятелями, приклебывал от моего стакана, становился отважнее, чуть держался на ногах, он ахнул и т. п.*).

В описании картины тяжелого пробуждения Гринева от вчерашнего

кутежа мы имеем то же смешение лексических рядов. Книжные слова: *взял на себя вид равнодушный, в свою решительную минуту, впоследствии времени, опека, поражен, с беспокойною совестью и безмолвным рассказием* и даже старо-книжное: *рачитель* даны на ряду с просторечными и даже вульгарными словами: *сплестул руками, остолебенел, упрямый старик* и ироническое *учитель* (в фразе: «с неспособной совестью и с безмолвным рассказием выехал я из Симбирска, не простоясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться»).

Первая глава «Капитанской дочки» почти сплошь представляет факты непосредственного смешения разнорядной лексики. Здесь этот прием иронического описания наиболее отчетливо выражен и чисто языковыми средствами: функциональным употреблением разнорядного лексического материала. Вся глава пропитана духом тонкой иронии над глуповатым недорослем, над его учителями, воспитателями, над его первыми «службными успехами».

Эта же линия иронического отношения продолжается и в следующих главах, где Гринев — офицер и влюблен. Он сентиментален, вздыхает, пишет стихи, рисуется рыцарем капитанской дочки, но все же — это средний человек, смешной в своей ограниченности.

Элементы непосредственного смешения лексических рядов встречаются и при характеристике жителей Белогорской крепости: Ивана Игнатьевича и комендантши. По отношению к другим героям этот прием не употребляется. Вот, например, встреча с Иваном Игнатьевичем:

«...Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкой в руках: по препоручению комендантши, он нализывал грибы для сушенья на зиму.

Я в коротких словах объяснил ему... Иван Игнатьевич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз».

Здесь слова книжные: *по препоручению, отправился, со вниманием* и т. п., стоят в непосредственной связи с словами обиходными: *грибы, сушенье на зиму, вытараща* и т. п.

б) Наличие двух параллельных лексических рядов.

Весьма част в «Капитанской дочке» и прием сопоставления параллельных разнородных лексических рядов, не смешивающихся непосредственно. Это обычно сниженная расшифровка слова, взятого из высокого, книжного ряда. Таким образом, здесь дан ряд высокой книжной лексики, слова с значительным содержанием. Но даны эти слова обыкновенно при названиях незначительных, мелких фактов (*буря утихла* — о комендантше и т. п.). Этот ряд как бы надстраивается над линией обычного языкового фона (над вторым рядом лексики этих описаний). Обычно термин взят из этого высокого ряда, а расшифровка его из ниже его стоящего обыкновенного литературно-разговорного языка. Здесь нет смешения рядов, они идут параллельно, и как раз интервал между ними, их несотнесенность друг к другу и создают впечатление комического, иронии. Вот примеры этого порядка.

Описание судьбы Гринева:

«Трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что по мнению моему было верхом благополучия человеческого».

И рядом:

«И так, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, оказалась мне тяжким несчастием».

Здесь уже юмор достигается не непосредственным соединением слов из разных лексических рядов, а параллелью несочетаемых рядов слов: *блестящие надежды, верх благополучия человеческого* расшифровываются на уровне гвардейских развлечений, мелочных и пустых. Налицо сниженная расшифровка слов.

Еще примеры:

«Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междуусобием. Я уже сказывал, что я занимался литературой. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и А. П. Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удачно мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог *оценить произведение стихотворца*».

Подчеркнутые слова сугубо книжные, но так как они привлечены для описания очень незначительного факта (ничтожного стихотвореньца влюбленного юноши), то получается комический эффект.

Или:

«Иван Кузьмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-по-малу буря утихла: комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать».

Здесь описана мелкая сценка между комендантом и комендантшей. Василиса Егоровна требует «соответствующего» наказания (*посади в чулан, отбери штаны*) провинившимся офицерам. Она немножко покричала, погорячилась и, наконец, успокоилась. И это вот названо: *буря утихла*. Понятие чего-то мощного, стихийного употреблено для названия ничтожной ссоры.

Так же даны и другие сцены между комендантом Белогорской крепости и комендантшей. Комендант получил извещение о Пугачеве, собрал своих офицеров с великими предосторожностями и трудностями, чтобы объявить им об опасности и принять надлежащие меры.

«Злодей-то, видно силен, а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда... Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры... пушку осмотреть».

Таким образом, принятые надлежащие меры фактически отражают всю беспомощность коменданта, бессилие отразить врага. Пушкин еще раз, более прозрачно, подчеркивает свою иронию по отношению к предстоящей борьбе: «Раздав сии повеления, Иван Кузьмич нас распустил»;

высоким словом (*повеления*) называются незначительные факты (*осмотреть пушку* и т. п.). Таким образом, мы встречаем здесь снова прием сниженной расшифровки высоких слов, ироническое их осмысление.

В таком же стиле дается и все изложение того, как Иван Кузьмич оберегал служебную тайну и как мучилась Василиса Егоровна, желая удовлетворить свое «дамское любопытство».

Этот прием иронического описания дополняется еще употреблением высокой официальной лексики.

«Она догадалась, что была обманута мужем, и пристушила к нему с *допросом*. Но Иван Кузьмич приготовился к *нападению*. Он ни мало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице...»

И опять высокие слова в ироническом осмыслении:

«Иван Кузьмич не был приготовлен к такому вопросу: он запутался и шробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела *коварство* своего мужа» (*коварство* по отношению к добродушному и смиренному коменданту).

Еще более ярко дано описание хитроумного допроса, у пушки, Василисой Егоровной.

«Она кликнула Ивана Игнатьича с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство. Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судья, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика».

Здесь слова *дамское любопытство* взяты вне того лексического ряда, в котором дано все описание, и в этом его исключительный комизм (смешение лексических рядов). Но главный эффект здесь происходит оттого, что противопоставлены целые картины, не сопоставляемые: Василиса Егоровна и опытный судья.

Такой же прием сниженной расшифровки значительных слов находим и в описании крепости перед приступом Пугачева и в описании обороны крепости.

Описание баталии идет в плане гиперболизации; мы слышим даже как бы солдатское хвастовство (картечь *зватила*, комендант *выташил*), но дальше показывается истина (т. е. опять сниженная расшифровка):

«Комендант и я мигом очутились за вращостным валом, но оробелый гарнизон не тронулся»

Таково же и описание действий правительственных войск при защите Оренбурга:

«Тошная городовая конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия *тщетно гремела* с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей».

Здесь интересно сочетание слов *гремела* и *тщетно*.

«Таков был образ наших военных действий».

И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием!»

воскликает с горькой иронией Гринев.

III

Употребление слов одного лексического ряда — обыкновенного литературного языка пушкинского времени (без всякой стилизации).

Так сделаны Пушкиным описания наружности Пугачева, его сторонников, его поступки и военные действия.

Вот портрет Пугачева:

«Я... увидел черную бороду и два сверкающих глаза... Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась просесть; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары».

При первой же встрече Гринев характеризует Пугачева как сметливого и умного человека:

«Сметливость его и тонкость чутья меня изумили»; «его хладнокровие ободрило меня».

И везде Пушкин наделяет Пугачева силой, великодушием, веселой хитростью:

«Черты лица его, правильные и довольно приятные, не являли ничего свирепого.

«Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутоватости и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворною веселостью, что я глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему».

У Пугачева подчеркиваются его огненные сверкающие глаза, жилистые руки:

«...вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами». «Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. Меня привели в самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку... Я не шевельлся. Пугачев отпустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости».

Вот еще описание Пугачева и его войска:

«Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевски около виселицы, где всё еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки.

Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями... Пугачева окружили главные из его сообщников».

Развернутая, величественная картина военной мощи и щедрости Пугачева.

Интересно отметить, что Пушкин, выводя образ Пугачева, везде сопровождает его приближенными из народа. Его всегда окружает народ, народная любовь. При этом в описании чувствуется простой эпический стиль:

«Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его».

Или:

«Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланялись самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми ножницами, ревал у них косы, они отряхивались, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин...»

О Пугачеве и расставании с ним говорит Гринев уже несколько более близким языком. Вот его рассуждения о Пугачеве:

«Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об ошрометчивой жестокости, о кровавых привычках того, кто выживался быть избавителем моей любезной».

«Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время. Швабрия и народ (sic), толпящиеся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было мое сердце... Мы расстались дружески».

Ярко выраженная симпатия к Пугачеву, но не к его делам, не к его идеям, разумеется.

«Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую скамью, по которой неслась его тройка».

Или еще:

«Война была кончена... Но между тем страшное чувство, отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию столько же невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля! Емеля!» — думал я с досадою: — Зачем не наткнулся ты на штык, или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать? Что прикажете делать? Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина».

Следующая и последняя встреча с Пугачевым была по дороге на эшафот. Описывается встреча в эпилоге уже не от имени Гринева, а изда-

теля его записок: протокольно, сухо, но тем не менее потрясающе по трагичности:

«Известно... что он (Гринев) присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головой, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показала была народу».

Итак, Пугачев до последней минуты своей жизни оставался сильным и смелым.

Таким образом, всюду, где говорится о Пугачеве, с самой первой встречи с ним до последнего расставания, рисуется он без снижения его образа и подчас даже с явно выраженной симпатией. А отдельные эпизоды восстания Пушкиным изображены как великим художником объективно.

Как подлинный художник, Пушкин не мог не отразить объективного хода событий и соотношения сил. В изображении исторических событий Пушкин избегает стилизации, он пользуется обыкновенным разговорным языком.

Вот как описывает Пушкин казацкие волнения:

«Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны.. В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Подсланы были к ним лазутчики... Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали... Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта, но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников...»

IV

Сопоставление целых высказываний

Высказывания, отдельно взятые, не представляют какой-либо стилизации, они написаны обыкновенным литературным языком. Но Пушкин очень часто дает отдельные высказывания в сопоставлении с другими высказываниями, т. е. он как бы противопоставляет описание одной картины другой и этим самым опять показывает свое отношение к изображаемым событиям.

Чаще всего встречаем мы этот прием при описании военных действий, при описании восставших и царских войск, их полководцев и т. п.

Этот прием особенно отчетливо можно видеть в описании военных действий при взятии Белогорской крепости. Мы опять увидим здесь, как и всюду в описаниях, касающихся Пугачева, изложение фактов, без исторического их освещения, нечто очень близкое к восхищению перед силой восставших и организованностью и храбростью их предводителя. Здесь мы не встретим ни смешения лексических рядов, ни смешения логического (сниженной расшифровки высоких слов). Здесь противопоставляются только целые картины. Сила и умение восставших и беспомощность, жалкая растерянность царских защитников.

«В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости...» «Картечь хватила в самую середину толпы, мятежники отхлынули в обе стороны и попятнулись. Предводитель их остался один впереди. Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились».

Здесь объективным, серьезным изложением фактов подчеркиваются сила и авторитет Пугачева.

Этот же эффект достигается и сопоставлением картин: с одной стороны, — *барабан умолк, гарнизон бросил ружья, оробелый гарнизон не тронулся*, а с другой, — *в эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость*.

В дальнейшем изложении событий показаны два лагеря: «правительственные» лица и Пугачев, действия тех и других, сила тех и других. На этих контрастах подчеркиваются все бессилие и бестолковость «правительственных» полководцев. Приемом лексического смещения Пушкин здесь не пользуется в той мере, как, например, в 1-й главе; здесь противопоставляются ряды описаний (композиционное и сюжетное противопоставление).

Сравним описание военного совета у Пугачева и у генерала:

«Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеечем, а иногда величая его дядюшкою».

«Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особого предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и оводобно оспаривал Пугачева».

Этой непринужденности в обращении противопоставляется атмосфера чопорности, казенщины, которая царит на военном совете у генерала:

«Между тем собрались прочие приглашенные. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чем состояло дело...»

— Итак, начнем собирать голоса по законному порядку, то-есть начиная с младших по чину».

Гринев высказался за наступательную тактику.

«Мнение мое было принято чиновниками с явкою неблагоосклонностью. Они видели в нем опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесенное кем-то вполголоса...»

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадежности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием лушек за крепкой каменной стеной, нежели на открытом поле испытывать счастья оружия».

Пышная фразеология в явно ироническом ее использовании, показывающая, что она есть не что иное, как прикрытые трусости и бессилия этих воляк. И Гринев опять восклицает:

«Совет разошелся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решился следовать мнениям людей, несведующих и неопытных».

Почтенный воин в соседстве со словом *слабость* звучит иронически. Так же насмешливо называет Пушкин-Гринев этот беспомощный совет *знаменитым советом* и трусливую тактику советников *осторожностью и благоразумием*. Такое ироническое использование высокой книжной лексики наблюдаем только в изображении «правительственного» лагеря.

Проследим лексику дальнейших описаний в «Капитанской дочке».

В десятой главе Пушкин дает развернутую картину «правительственных» мероприятий по защите Оренбурга от Пугачева. Это описание воспринимается как противопоставление к уже приведенной картине описания пугачевских войск:

«Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными пшищами шалача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов».

Одни других стоят. Над *колодниками* начальствуют *инвалиды*, где же солдаты? Вспомним, что гарнизон Белогорской крепости состоял из инвалидов же.

«Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных пылях. Они выстроены были во фронт...»

«Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров, другие лопатками копали землю, на валу каменщики таскали кирпич и чинили городскую стену».

Работа эта протекает явно без энтузиазма, лениво, под палкой. Колодники выполняют кое-как работу, не нужную им, чуждую. И как это не похоже на проявление своей воли, своей активности в боях пугачевцев, в охране своей Бердской крепости.

Приводим описание Бердской крепости:

«Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы».

(И здесь противопоставление: нет уничтожающего *возвышение*, *окруженное частоколом*, как в описании Белогорской крепости, нет заведомой сниженности.)

«Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами: это был передовой караул пугачевского пристанища».

То, что это — *мужики, вооруженные дубинами*, несколько не снижает их величия, преданности своему делу. Нет иронии (это ведь не *инвалиды*, не *оробелый гарнизон*). Это — *мужики-герои*. Слово *пристанище* тоже не звучит здесь пренебрежительно. Скорее, это книжное слово, употребленное без всякой иронической окраски, на своем месте.

«Нас окликнули. Не зная шароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове; палка спасла его, однако он запнулся и выпустил из рук узду».

Гринев едет выручать своего дядьку:

«Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками... Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади... Я не противился.. И караульные повели нас с торжеством».

Везде подчеркивается Пушкиным активное отношение мужиков к событиям, нет тупого безразличия *гарнизонных инвалидов*.

Направляется еще одно сопоставление: отношение генерала к событиям. Гринев, взволнованный захватом Белогорской крепости, пугачевской расправой, своим спасением, входит к генералу. Тот безмятежно тихо занимается своим хозяйством, и эта странная беспечность воспринимается как противопоставление пугачевской активности, стремительности, силе:

«Я застал его (генерала) в саду. Он осматривал яблоки, обнаженные дыханием осени, и с помощью старого садовника, бережно их укутывал теплой соломой... Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добро душе».

Гринев стал рассказывать об «ужасных происшествиях, коим он был свидетель»:

«Я рассказал ему все. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывая сухие ветви».

И другая картина: Гринев во время его вынужденного посещения пугачевского стана предстал перед другим полководцем — Пугачевым:

«Я вошел в избу или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотой бумагой... Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбоченясь. Около него стояло несколько из главных его товарищей с видом притворного подобострастия. Видно было что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством».

(Активность, интерес как контраст к бесстрастию и равнодушию генерала.)

«Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла (ор. с генералом).

Описание «наперсников самозванца» ассоциируется по контрасту с описанием оренбургских чиновников, советников генерала.

«Я взглянул вниз на наперсников самозванца. Один из них тщедушный и сгорбленный старичек, с седой бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку»

Этот старичок в *голубой ленте*, все же, несомненно, менее смешон, чем *старичек в глазетовом кафтане*.

«Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился... Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева... «Н»

век не забуду его товарища. Он был высокого роста, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казачьих шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый кантрал Белобородов, второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей), опытный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников».

Во всем этом описании мы не найдем насмешки, издевки, презрения; более того, такие черты «наперсника», как, например, *сверкающие глаза*, как бы даже подчеркивают его силу, отвагу.

Продолжим противопоставление целых картин.

Военные мероприятия генерала и его близких, как мы видели, ограничивались выжиданием, так как «почтенный воин» был неспособен на решительные действия. Другое дело Пугачев:

«Спустя несколько дней после сего знаменитого совета, узнали мы, что Пугачев, верный своему обещанию, приближался к Оренбургу».

(Сопоставьте: *верный своему обещанию* — с *благоразумием и осторожностью оренбургских чиновников*.)

«Я увидел войско мятежников (уже *войско*, не *шайка*, не *толпа*, как раньше) с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдвасятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетелем. При них были и артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных».

Одним словом, это было мощное, регулярное войско, выросшее численно и качественно.

В противоположном же лагере — смятение, растерянность, нераспорядительность, голод, ужасы осадного положения. И все это по «решению совета». Пушкин здесь опять как бы подчеркивает всю нелепость этого решения:

«Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады»

V

Употребление включенного лексического ряда

В пушкинских описаниях, помимо указанных приемов, весьма часто употребляется еще прием стилизации. На основной лексический фонд литературного языка пушкинского времени как бы накладывается ряд стилизованной лексики, некоторые слова, характерные для другого речевого стиля; этот ряд как бы включается в общее описание, и в результате получается стилизованное описание, иная лексическая окраска, иной тон всего описания.

В «Капитанской дочке» Пушкин стилизует или а) под старокнижный, письменно-литературный язык, язык канцелярско-официальной речи, или

Рис. художника С. Лейб

«Напитанная дочка». Пугачёв рассказывает Гриневу сказку

б) под сентиментально-мещанский язык, устаревший уже для литературного языка Пушкина.

Литературно-письменный, канцелярский язык, лексика, используется Пушкиным в описании переживаний и мыслей Гринёва, связанных со службой и государством.

«Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми обреченными в селище. Их прозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясло меня каким-то шитическим ужасом».

И еще:

«Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушным, непросительным. Назвать его в глаза обманщиком — было шодвергнуть себя погибели..

Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю я эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою».

И:

«Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроцкого царствования императора Александра I, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия».

Совсем патетически и книжно звучит восклицание:

«Молодой человек, если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Здесь мы не найдем так часто употребляемого Пушкиным приема непосредственного смешения лексических рядов. Нет здесь и приема иронического осмысления высоких, книжных слов.

Выше мы говорили о том, что изображение Гринёва дается Пушкиным в плане ироническом. Поэт рисует своего героя недалеким недорослем. Здесь же (по отношению к Пугачеву, войне и т. п.) Гринёв описывается уже по-другому: Пушкин говорит о нем обыкновенным литературным языком того времени в разговорном или книжном его варианте. Совсем книжно, архаично звучит рассуждение Гринёва о пытке. Здесь явно книжный строй речи и спливание под язык официально-судебных документов:

«Обычаи судопроизводства», «благодетельный указ», «уничтоживший оную», «для его полного обличения», «мысль неосновательная», «противная здравому юридическому смыслу», «отрицание подсудимого не приеется в доказательство его невинности», «варварский обычай», «ибо»...

В описании военных успехов Пугачева и бессилия «правительственных» войск встречаемся мы опять с стилем официальных канцелярских донесений.

«Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию... Вскоре князь Голицын, под крепостью Татищевой, разбил Пугачева, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанес бунту

последний и решительный удар... Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями».¹ «Но Пугачев не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать (тоже официальный термин). Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самовласта на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика».

Налицо описание, где, с одной стороны, мы видим признание силы и успехов Пугачева, а с другой — и насмешку над начальниками, *беспечно дремавшими*.

Это же видим мы, когда Принев указывает еще раз на бестолковость руководства. При этом он переходит опять к книжному письменному языку в стиле официальных донесений. Он — свидетель и сообщает о фактах виденных:

«Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была губельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия».

Канцелярская официальная речь наблюдается и в описании сцены суда над Приневым. Здесь встречаются судебно-канцелярские формулы: *очная ставка, чистосердечное объяснение* и т. п.

В плане серьезной, книжно-научной речи дано и описание восстания яицких казаков в 1772 г. Здесь очень много книжных слов, не употреблявшихся уже и тогда (во времена Пушкина) в разговорной речи. Это — специфический язык научно-исторического произведения того времени. Элементы стилизации как синтаксической, так и лексической, налицо.

VI

Стилизация сентиментально-мещанской речи

Очень обильна в «Капитанской дочке» струя сентиментально-мещанско-книжная (в стиле художественных произведений XVIII в.). Этот ряд также покрывает основной литературный фон пушкинской речи, меняя ее вид, делая ее сентиментальной, сниженной, т. е. обыкновенной средней мещанской речью:

Этот тип описаний встречаем мы на протяжении всего изложения любовной истории Гринёва и Марьи Ивановны; от первой их встречи до счастливого завершения их любви всюду видим мы стилизацию сентиментально-мещанской речи в духе романов, типичных для XVIII в.

Приведем несколько примеров.

Вечер перед поединком:

«В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное...»

¹ «Разбойники» и «дикари», как уже упоминалось, официальные названия царским правительством пугачевских войск.

« Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею. Я предчувствовал, что застаю М. И. одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу...»

«Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты».

Мы целиком попадаем здесь в сферу мещанского романа.

Или вот поток сентиментальных слов:

«...Ангельский голос ее меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления... Она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскресило меня. Она будет моя. Она меня любит. Эта мысль наполняла все мое существование... Ни я, ни М. И. не старались скрывать от них (родителей) свои чувства». И т. д. и т. п.

Интересно лексическое оформление образа Еватериины. Еватерина здесь не — историческое лицо, не правительница, а скорее — тип благодетельницы, характерный для сентиментально-мещанских романов XVIII в. Она — обычное в романах этого рода лицо, которое появляется в конце, чтобы устранить препятствия к соединению влюбленных, чтобы привести роман к счастливой развязке.

«Государыня ласково к ней обратилась... сказала с улыбкою... Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила».

«...Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею... «Знаю, что вы не богаты... не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние»

Идеализация ли это? На фоне развертывания серьезных исторических событий, нарастающей силы восставший образ «милой» дамы с собачьей не кажется идеализированным, а наоборот, сниженным.

На основании анализа лексических описаний в повести «Капитанская дочка» мы находим строгую дифференциацию языковых (лексических) средств в зависимости от темы изложения. Так, намечается резкое деление всего произведения на две части, на два разнородных повествования: 1) историческая повесть о Пугачевском восстании и о борьбе с ним царского правительства и 2) сентиментальный роман, любовная повесть с счастливой развязкой.

Каждое из этих повествований имеет совершенно различную лексическую оснащенность: обыкновенный литературный язык в его разговорном и письменном варианте — в историческом повествовании, и сентиментально-мещанская лексика, смешение лексических рядов, ироническое использование книжных высоких слов — в семейном романе из помещного быта. В первом повествовании нет иронической стилизации, дано оно в плане объективного описания. Второе же — сплошь стилизовано, и стилизация эта удивительно разнообразна, в зависимости от темы и объекта описания.

Первое повествование начинается от встречи с Пугачевым во время бурана, а затем идут: встреча в Белогорской крепости, великодушные Пугачева по отношению к Гриневу, успешные военные действия Пугачева, осада Оренбурга, встреча с Пугачевым в Бердской крепости, рыцарское

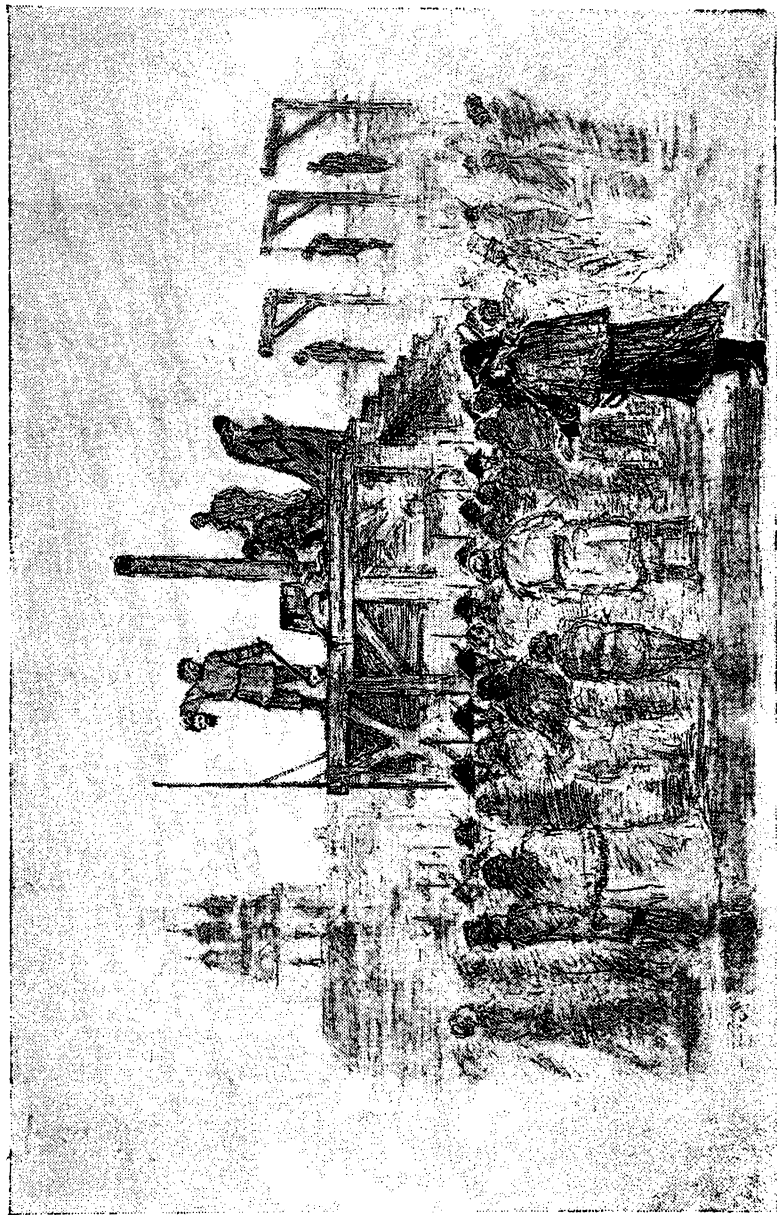

Рис. художника С. Лейб

„Капитанская дочка“. Казнь Пугачева

избавление бедной девушки, наступление Пугачева, взятие им Казани, угроза Москве, разгром Пугачева и, наконец, его казнь.

Судя по лексическому оформлению, это главнейшее повествование, в нем сосредоточены главные мысли автора, его идеи, и настоящим, главным, героем «Капитанской дочки» является именно Пугачев, так как только он дан без стилизации, без иронии, без насмешки.

Второе повествование — семейный роман, начинается с картины воспитания Гринева, затем идут: первые шали на служебном поприще, первая любовь, дуэль, несогласие родителей на брак, отчаяние, доблесть в военных сражениях, разлука с любимой, избавление своей любезной от посягательства Швабрина, счастливое возвращение домой, неожиданное препятствие, хлопоты невесты перед государственной, «милостивой благодетельницей», и счастливое соединение влюбленных.

Эти две сюжетные линии развиваются то параллельно, то переплетаясь, но не смешиваются ни лексически, ни идейно.

Внутри каждого из этих повествований, в свою очередь, имеется строгая лексическая дифференциация в обрисовке действующих лиц.

В первом (историческом) повествовании можно всех героев разделить на два лагеря: 1) лица царского правительства и лица, восставшие или причастные к восстанию. В предыдущем изложении приводились факты: Пугачев и его военные дела, его наперсники и т. д. даны без малейшей стилизации, обыкновенным литературным языком, это — объективное описание, невольно вызывающее симпатию и восхищение к этим героям. Преимущества восставших всюду подчеркиваются сопоставлением их с «правительственными» лицами.

Описание лиц царского правительственного лагеря сопровождается всюду иронией автора, то явной, то несколько завуалированной. В описаниях представителей царского правительства и их действий везде употребляются разнородные лексические ряды или в непосредственном их смешении, или путем сопоставления целых картин, или путем называния значительными, высокими словами незначительных фактов, тогда как в описаниях Пугачева и его сподвижников видим однородную лексику — литературную речь пушкинской эпохи. Расчленяется эта литературная речь лишь на варианты разговорный и письменный. При описаниях событий, при повествовании дается обыкновенная разговорная лексика; при описаниях рассуждений Гринева по поводу этих событий, как и при донесении об этих событиях, — письменная речь, иногда в официально-казенном, канцелярском ее варианте. Но и та и другая лексика, собственно, являются только вариантами внутри литературной, общепринятой речи. Здесь смещения планов, смещения различных лексических рядов нет. Таким образом, одно повествование в сентиментально-мещанском стиле противопоставляется другому (историческому повествованию), одно, менее значительное, служит фоном другому, более важному, главнейшему. И сам собою возникает вопрос: зачем понадобилось Пушкину дать эти два совершенно разнородные повествования и так искусно переплести их сюжетные нити?

Приведенные данные невольно наводят еще на одну мысль: вспоминается известный отрывок из переписки Пушкина по поводу «Бориса Го-

дунова»: «Цензура его не пропустит; Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию. Навряд, мой милый! Хотя она и в хорошем духе написана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого: торчал!» (Из письма к Вяземскому в октябре 1825 г.).

Быть может, и здесь, в «Капитанской дочке», Пушкин хотел спрятать то свое отношение к пугачевским событиям, которое дало ему пристальное изучение эпохи и исторических фактов, предшествовавшее, как мы знаем, созданию «Капитанской дочки»?

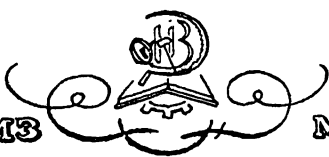
ЖУРНАЛ „РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ“

СТИЛЬ И ЯЗЫК
А. С. ПУШКИНА

(1837 - 1937)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. К. А. АЛАВЕРДОВА

УЧПЕДГИЗ МОСКВА
1 9 3 7